

В. М. МОКИЕНКО

ЗАКОН «ОТНОСИТЕЛЬНОЙ НЕГАТИВНОСТИ» И РЕГИОНАЛЬНАЯ ТОПОНИМИКА

Вопрос о семантике топонима — один из центральных вопросов ономастики. Именно «асемантичность» собственных имен служит основанием для их отграничения от имен нарицательных. Правильное определение внутренней формы топонимов делает топонимику источником этимологической и реалемной информации и вызывает интерес к ней у лингвистов, историков, географов и энтографов.

Однако ценность топонимического материала, подвергнутого этимологическому анализу, во многом зависит от того, насколько такой материал поддается объективной экстралингвистической интерпретации. Довольно часто эта интерпретация слишком прямолинейна: «Березовая — это местность, возникшая в березовом лесу»¹.

Закон «относительной негативности», сформулированный В. А. Никоновым, направлен против такого непосредственного подхода к проблеме «топоним — апеллатив»². Название дается не по характерному признаку местности, а по признаку редкому, выделяющему называемый объект из окружающей среды, — таков смысл закона «относительной негативности».

Принцип дифференцированности названия вытекает из основной «выделительной» функции собственного имени. В отечественных и славянских топонимических исследованиях его учитывали уже более полувека назад³. В. А. Никонов возвел этот известный, но не всегда учитываемый принцип в ранг глобального топонимического закона. С одной стороны, такое «узаконивание» принципа негативности обратило внимание исследователей топонимики на эту особенность собственных имен и заставило осторожнее относиться к их интерпретации. С другой стороны, приписываемая этому принципу глобальность и пестрота топонимического материала, которым В. А. Никонов иллю-

¹ См. критические замечания по поводу такого подхода к топонимике и примеры подобных исследований: V. Šmilauer. Úvod do toponomastiky. Praha, 1966, str. 129—132.

² В. А. Никонов. Закон ряда в географических названиях. — Onomastica, 1958, roczn. IV, zes. 1, стр. 57—73.

³ Ф. П. Саваренский. О географических названиях Тульской губернии в связи с почвенными данными. Труды Тульской губернской ученой архивной комиссии, кн. 1. Тула, 1915, стр. 129—144.

В. Horák. Bývalý rozsah zarostlé půdy v okrese plzeňském podle svědectví místních názvů. Agrární archiv, 3, 1916, str. 83.

стрировал этот закон, вызвала противоречия и неточности при его конкретном применении. Поэтому в дискуссиях на различных топонимических конференциях критические замечания к закону «относительной негативности» высказывали именно исследователи, изучающие топонимику на основе конкретного детализированного материала (А. И. Лебедева, А. К. Матвеев, А. И. Попов).

Характерно, например, что Е. М. Поспелов, поддерживающий закон «относительной негативности» и критикующий работы В. П. Семёнова-Тян-Шанского именно за то, что в них эта закономерность не учитывается⁴, сам фактически допускает ту же «ошибку», исследуя соотношение топонимов и апеллятивов на конкретном региональном материале⁵.

Разумеется, можно возразить, что это «противоречие» обуславливается преимущественно микротопонимическим характером материала, исследуемого Е. М. Поспеловым. Однако, во-первых, Е. М. Поспелов убедительно показал теснейшую взаимосвязь карпатской микротопонимики и топонимики, образованной от географических терминов, что стирает их абсолютную противопоставленность в плане принципа «относительной негативности»; во-вторых, В. А. Никонов, формулируя закон ряда как глобальную закономерность, не делал различия между микротопонимикой и топонимикой: «В сплошной болотистой местности не возникает названья *Болото*, если сравнение идет только в малом масштабе, внутрирайонном, но оно непременно возникает в этой местности, как только сравнение перешагнет её границы»⁶.

«Внутрирайонный, малый масштаб» в переводе с картографического языка на топонимический — это микротопонимика. Рассмотрим же на примере анализа конкретной микротопонимической зоны с типичным болотистым ландшафтом, справедливо ли приведенное выше категорическое утверждение, выводимое из закона «относительной негативности». Одной из таких зон является Псковская область⁷. Рассмотрим топонимику, образованную от географических апеллятивов с общим значением «болото, болотистое место», т. е. названия типа *Болото*.

Топонимика этого типа в Псковской области включает, прежде всего, названия болот. Эти названия бывают двучленными, например, *Белый Мох* (Палк., Латышево), *Архипово Болото* (Холм., Большая Ельня) и одночленными: *Иржавец* (Оп., Лотовицы), *Лядище* (Холм., Подмолодье), *Пловун* (Холм., Выставка). Географические термины с общим значением «болото» входят в состав названий полей: *Березное Болото* (Н.-Сок., Козлово), *Замасский Мох* (Порх., Перхово), *Мишарина* (Холм., Шершнево); пашен: *Под Мочлевиной* (Тор.,

⁴ Е. М. Поспелов. Топонимика в трудах В. П. Семёнова-Тян-Шанского. Изучение географических названий. М., 1966, стр. 101—102.

⁵ Е. М. Поспелов. Географическая терминология в микротопонимии Восточных Карпат. — Микротопонимия. М., 1967, стр. 23—30.

⁶ В. А. Никонов. Введение в топонимику. М., 1965, стр. 42.

⁷ Пользуюсь случаем поблагодарить доц. ЛГУ А. И. Лебедеву, любезно предоставившую свою топонимическую картотеку в моё распоряжение.

Языковец); пожен: *Заднее Болото* (Порх., Перхово), *Андреева Яздина* (там же), *Мокрушка* (Стр., Вольный); урочищ: *Болоточки* — название могильного кургана в дер. Шлепиха, (Оп.). Эти термины образуют и названия населенных пунктов: деревни *Мошки* (Гд.), *Болотня* (Дед.), *Мокриха* (Палк.) и др.

В названиях болот особенно характерен тип «определяющее слово + географический термин»: *Змеиное Болото* (Вя., Нежилское), *Архипово Болото* (Холм., Большая Ельня), *Грязная Болотина* (Н.-Рж., Жуково), *Большой Мох* (Аш., Трубецкое), *Гальный Мох* (Гд., Подолешье), *Гулкая Мишага* (Стр., Остров), *Белая Мишара* (Пл., Равонь) и др. Топонимы такого рода в повседневном употреблении часто вытесняются одночленными: *Свеклинское* (Ос., Крюки), *Симинское* (Пушк., Лоскутино), *Журово*, *Пищакينو*, *Свиново*, *Черное* — болота, расположенные вокруг деревни Курово (Вл.). В таких неполных топонимах апеллятивный компонент «болото» всегда подразумевается говорящими. В них собственно топонимическую функцию несет лишь первый компонент; второй сохраняет значение местного географического термина. Но этот термин семантически перерождается, если меняется содержание всего топонимического сочетания. Так, некоторые терминологические компоненты названий болот, приведенных выше, теряют свое обычное значение в названиях полей, пахот и сенокосных угодий: *Заднее Болото* — пожня, *Красная Болотинка* — поле, *Замаский Мох* — поле, *Мишарина* — поле и т. д. Название осушенного болота сохраняется, хотя сам объект названия изменился. Это изменение реального значения топонима вызывает семантический сдвиг его терминологического компонента. Новое значение термина можно назвать «топонимическим», так как лишь в составе топонима он перестает быть чисто географическим термином и превращается в термин антропогеографический, т. е. отражающий географическую реалию, связанную с воздействием на нее человека (поля, угодья и т. п.). Такой «топонимический» сдвиг значения характерен для наиболее употребительных местных терминов: *болото* в значении «болото» зафиксировано в более чем 30 топонимах, в значении «угодье» — в 14 названиях; *мох* в значении «болото» — в 21 названии, «угодье» — в 22. Для топонимов, в которых географические термины претерпели процесс топонимизации, опущение второго компонента менее характерно, чем для названий болот типа *Змеиное Болото*.

Следует отметить, что изменение значения «болото» > «луг» может происходить и независимо от топонимизации. Известно, например, что *болонье* «заливной луг, пожня у реки» этимологически связано с праслав. *bolto. Однако развитие значения этого слова привело к отрыву от семемы «болото» уже в Киевскую эпоху⁸.

⁸ Ф. П. Филин. Образование языка восточных славян. М.—Л., 1962, стр. 206—207; А. И. Иванов. Из истории диалектных слов (болонье, блонье). Уч. зап. ЛГПИ им. А. И. Герцена. Т. 248, 1963, стр. 399—406; Т. А. Марусенко. Назви рівнин в українській мові. Дослідження з мовознавства. К., 1962, стр. 36. Ср. примеры таких семантических сдвигов в других лексемах в монографии Н. И. Толстого «Славянская географическая терминология». М., 1969, стр. 144—211.

Наблюдается и обратный переход антропогеографических местных терминов в названиях болот, что также отражает естественные процессы: заболачивание запущенных лугов, пашен и т. п. Примеры такого перехода: *Нива* — болото (Пск., Ерошиха), *Французская Пожня* — болото (Кр.-гор., Сидорово), *Пожинки* — болото на месте бывшего сенокоса (Вл., Дроздово), *Чертов Луг* — болото (Нев., Емонец) и проч.

Эти примеры показывают, что часто одно и то же слово служит и названием болота, и названием угодья: топоним *Гари* в д. Лавруты (Осьминского района Ленинградской области), — название болота, в Дедовичском р-не — название деревни, в д. Перхово Порховского р-на — название пожни, а в деревне Подолешье Гдовского р-на — название поля; топоним *Мошки* — название болота в д. Ерошиха Псковского р-на, покос на болоте в д. Пухомичи, название пожни в д. Козеевка (Холмский р-н), а в Гдовском и Островском районах — названия деревень. Налицо тесная «лексическая» связь топонимики и микротопонимики. Эта «омонимичность» топонимов, с одной стороны, связана с отмеченной топонимизацией местных терминов, с другой — с многозначностью слова, от которого образованы соответствующие топонимы: *Болонье* — название луга (Вл., Синие Ворота), *Бальни* — название болота (Н.-Сок., Фетинино), *Оболзнье* — название пожни (Оп., Макушино), *Оболонье* — название болота (Порх., Горка); *Лядище* — название болота (Холм., Подмолодые), *Лядища* — поле (Нев., Дубокрай); *Гарь* — название болотистого места (Остр., Шитики), *Малая Гарь* — название выгоревшего места в лесу (Аш., Торчилово) и др.

В Псковской области встречаются и другие однословные названия болот, а также составные топонимы, содержащие географические термины с общим значением «болото». В последних семантически выделяются названия по типу растительности, сохраняется мотивировка названия.

Формальное отличие многих топонимов — употребление множественного числа. Оно используется для различия топонима и апеллятива: *Амхи* (Н.-Сок., Козлово), *Малые Выгари* — название пожни (Порх., Перхово), *Гари* — болото (Ос., Лавруты), название пожни (Порх., Перхово) и название деревни в Дедовичском районе, *Загряжки* — заболоченный лес (Лед., Васильевщина), *Мошки* — болото (Пск., Ерошиха) и др.

Для исследователей топонимики едва ли не самым интересным является вопрос, какую семантическую нагрузку несет топоним. Часто незнание местного географического термина ставит в тупик топонимистов, а пренебрежение данными топонимики приводит к неполному описанию местной географической терминологии того или иного языка или диалекта.

Учет местной болотоведческой терминологии помогает раскрыть содержание многих топонимов Псковской области. Многие из них соотносятся с общераспространенными русскими терминами: *болото, мох, мшага, мшара, лядина, гарь* (выгоревшее болото) и проч. Неко-

торые же топонимы соотносимы лишь с узкоместным значением терминов: *Провал* — название болота (Н.-Рж., Велье) и *провал* «низкое, болотистое место» (Пушк., Тучи), *проваленный* «низменный, болотистый» (Остр., Козлы), *провалоха* «небольшая лужа со стоячей водой» (Палк., Нарфеева); *Барское Олешье* — название деревни и *олешье* «болотистое место, поросшее зарослями ольхи» (Холм., Залесье) и т. п.

Раскрытие мотивировки названия действительно помогает представить характер типичного ландшафта местности. Так, топонимы *Грязная Болотина* — название части поля (Н.-Рж., Жуково), *Грязное Агарышево* — деревня (Кр.-гор.), *Черная Грязь* — деревня (Нев.), *Ближняя Грязь* — название болота (Вл., Дроздово), *Грязька* — название болотистого места (Нев., Черные Стайки) и другие соотносятся с болотистым ландшафтом соответствующих районов. Причем факт этого соотношения устанавливается не только лингвистическим анализом перечисленных топонимов, но и конкретным ландшафтным обследованием соответствующих пунктов в диалектологических экспедициях.

Связь топонима с называемым объектом, однако, является диахронической (ср. *Французская Пожня* — название болота: «Раньше пожней была, да зарасла, балотам стала» — Кр.-гор., Сидорово). Видимо, именно в этом диахроническом аспекте «топонимизации» и следует искать причины закономерного несовпадения значения географического апеллятива с объектом, обозначаемым топонимом, метко отмеченное Т. В. Марадудиной⁹. Ретроспективная направленность, однако, не противоречит тезису о мотивированности названий, так как диахронический диапазон нередко совпадает с семантическим диапазоном соответствующих географических апеллятивов в пространственной плоскости¹⁰. С этой точки зрения «диахроническая негативность» и «относительная (*resp.* синхроническая) негативность» топонима являются отражением общего противопоставления «язык — речь» в топонимике.

Возведение в закон лишь синхронического (отличительного) принципа образования топонимов и невнимание к диахроническому аспекту и приводят к противоречиям при попытках применения закона «относительной негативности» в практике топонимического анализа и интерпретации топонимического материала.

Конкретный анализ микротопонимики, как показано выше, не дает оснований для утверждения, что в «сплошной болотистой местности не возникает названия Болото, если сравнение идет только в малом масштабе». Теперь рассмотрим случай, когда «сравнение перешагнет границы» микротопонимики. Возьмем для этой цели работу

---

⁹ Т. В. Марадудина. Некоторые особенности употребления географических терминов в топонимике. — Вопросы топониматики, вып. 3. Уч. зап. Уральского гос. университета им. А. М. Горького, № 49, серия филологическая, 1967, стр. 13—16.

¹⁰ Подробнее анализ этого взаимоотношения делается в нашей работе «Топонимизация и семантические сдвиги» (в печати).

самого В. А. Никонова — «Ручей — ключ — колодезь — криница — родник»¹¹. Детально обследуя названия населенных пунктов с апеллятивом *ручей*, автор насчитывает 301 топоним. Что это — топонимы-ориентиры, представленные единично?

Нет, — «тут... налицо сплошной ареал, густо заполненный множеством однородных названий при отсутствии их за его пределами»¹². И наибольшая концентрация этих названий приходится на долю северо-западных областей, где сама реалья «ручей» очень актуальна.

Действительно, относительность «негативности» очень велика!

Наконец, взаимоотношение географического термина и топонима осложнено многолексемностью актуальной семемы. Конечно, если бы в болотистой местности для обозначения реалии «*болото*» употреблялся лишь один термин — *болото*, как в приведенной цитате предполагает В. А. Никонов, то принцип относительной негативности сработал бы без осечки: иначе бы терялся смысл топонима как ориентира.

Но нельзя забывать, что конкретные географические условия порождают массу местных географических терминов, которые и играют важную — если не решающую — роль при образовании местных названий. Для жителя Псковской области реалия «*болото*» не представляется такой уже однообразной. *Болото, вязель, гарь, зыбун, мох, мишара, мочавина, тряска* и свыше ста других местных терминов с общим значением «*болотистое место*», записанных в псковских говорах, говорят о сравнительно четкой дифференциации видов болот в народном языке. Благодаря этой дифференциации топоним может выполнять свою основную функцию — служить ориентиром. И это не мешает ему давать ценную информацию о характере ландшафта, которую можно получить лишь при условии, что мы знаем значение местного термина. Иначе название *Лохвица* будет производиться от *лох* «семга»¹³, а гидроним *Лопань* — от балтийского *лоп* «лиса» и славянского суффикса *-ань*¹⁴. Региональное обследование топонимов и географических терминов предотвратит такие этимологии.

Сбор и лингвистический анализ местной географической терминологии, интенсивно развернувшиеся в последнее время в Советском Союзе (работы В. Н. Богданова, Г. П. Бондарук, Ю. Г. Вылежнева, В. П. Колодеевой, В. С. Мартиросовой, М. Н. Мельхеева, Э. М. Мурзаева, Н. А. Солнцева по русской терминологии, В. А. Жучкевича по белорусской, М. А. Грицака, И. О. Дзедзелевского, А. П. Корепановой, Б. Ф. Лящука, Т. А. Марусенко, М. Л. Худаша — по ук-

¹¹ В. А. Никонов. Ручей — Ключ — Колодезь — Криница — Родник. Материалы и исследования по русской диалектологии, 2. М., 1961, стр. 180—198.

¹² Там же, стр. 182.

¹³ Это объяснение В. А. Никонов правильно считает народноэтимологическим, предлагая сопоставление со слав. *локва* «лужа, болотце»: В. А. Никонов. Краткий топонимический словарь. М., 1966, стр. 241.

¹⁴ В. Н. Топоров, О. Н. Трубачев. Лингвистический анализ гидронимов Верхнего Поднепровья. М., 1962, стр. 21, 157. Ср., однако, донск. *лопань* «колодец на топи, болоте» (Даль, II, 266).

раинской, В. М. Иллича-Свитыча, Н. И. Толстого, Л. В. Куркиной, Р. М. Фондяковой — по славянской), и обширные исследования зарубежных славистов по словенской (Ф. Безлай, Р. Бадьюра), сербохорватской (Й. Шютц), польской (П. Нитше) географической лексике помогут глубже вскрыть взаимосвязь апеллятивов и топонимов и правильнее объяснить происхождение многих собственных названий.

Известно «относительно негативное» отношение В. А. Никонова к региональной топонимике, особенно резко высказываемое в годы написания статьи «Закон ряда...» Сбор и региональное обследование отдельных категорий географических названий помогут апробировать, конкретизировать или опровергнуть уже выявленные особенности и закономерности топонимики, в том числе и закон относительной негативности.

Список сокращений

(районы Псковской области)

А ш. Ашевский район	П л. Плюсский
В л. Великолуцкий	П о р х. Порховский
Г д. Гдовский	П с к. Псковский
Д е д. Дедовичский	П у с. Пустошкинский
К р.-гор. Красногородский	П у ш к. Пушкиногорский
Н е в. Невельский	С е б. Себежский
Н.-Рж. Новоржевский	С т р. Стругокрасненский
Н.-Сок. Новосокольнический	Т о р. Торопецкий район
О п. Опочецкий	(Калининская область)
О с. Осьминский	Х о л м. Холмский район
П а л к. Палкинский	(Новгородская область)